

В ней жила птица

Любовь в живописных тонах

A white bird, possibly a gull or a similar large waterfowl, is captured in mid-flight over a body of water. The bird's wings are spread wide, showing a mix of white and light brown feathers. Its head is black, and its neck is also black. The background is a soft-focus view of water with some reeds or grasses visible. The overall tone is artistic and painterly.

18+

Владимир Положенцев

Владимир Положенцев

В ней жила птица

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Положенцев В. Н.

В ней жила птица / В. Н. Положенцев — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Журналист Сокольников случайно встречает в метро свою бывшую любовь Анну, которая приглашает его к себе в гости. Однако возвращаться в прошлое так же опасно, как и заглядывать в будущее...

© Положенцев В. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Владимир Положенцев

В ней жила птица

В ее взгляде присутствовала какая-то животная дикость. Даже не звериная, птичья. Критическая осмысленность и острая ирония ее глаз, невероятным образом сочетались с пещерной первобытностью и варварской непосредственностью, обнажая сильную зависимость от инстинктов. Будто внутри жили два существа – человек и птица.

Это и привлекало его к ней. Вернее, тянуло словно магнитом. Больше ничего особенного в ней не было. Приземистая, далеко не идеальная фигура. Плотное тело без определенной талии на коротковатых ногах. Крепкие, почти мужские плечи и не аристократические, с вздутыми венами руки, унизанные тяжелыми перстнями и кольцами. Она явно ими гордилась, и это тоже не прибавляло, по его мнению, ей плюсов. Прямые каштановые волосы, никогда не знавшие химии. Они собирались сзади в пучок, обрамляли выпуклый, невысокий лоб, свисали гардинами над впалыми висками. Немаленький крючковатый с горбинкой нос, налитые, но нельзя сказать, что чувственные губы. Желтоватая, правда с бархатным оттенком кожа, обтягивала не отталкивающее, но своеобразное лицо. Одевалась, как она полагала, привлекательно. Обычно облачалась то ли в платье, то ли в балахон свободного покроя до колен и просторные короткие штанишки в синюю ромашку, что делали ее ноги еще короче, чем были на самом деле. Красилась ярко, почти вызывающе, подчеркивая косметикой черты лица, которые, вероятно, нужно было бы притемнить. Когда-то, в начале 90-х, она носила большую тяжелую косу с бантом на конце, и при первой случайной встрече с ней он еще подумал: 'Русская красавица, блин, и считает, что она может еще кому-то понравиться. Царевна – лягушка, да и только'.

Внешне Анечка была очень далека от той женщины, которую он хотел бы видеть рядом с собой. И внутренне они были совершенно разными людьми. Он – законченным циником и прагматиком, она идеалисткой и мечтательницей до мозга костей. Словом, ничего общего, никаких точек соприкосновения.

Вот только взгляд. Этот дикий взгляд неожиданно и крепко зацепил его душу. Он не раз вырывал ее из сердца вместе с мясом, но всегда частичка ее оставалась, вновь давала всходы и продолжала его мучить. Она не давала ему покоя ни днем, ни ночью. В то время он остро нуждался во второй половине, в женской поддержке, но сам не понимал, что хотел от нее. Она же пребывала в перманентном поиске чего-то высокого, неземного и не хотела прибавиться к одному, скалистому берегу. Он знал, что никакой опорой она стать ему не сможет, даже если бы захотела. И сколько бы это продолжалось, неизвестно.

Однажды он встретил ее с другим. Потом, одна из ее подруг позвонила ему и рассказала, что Анечка живет с тем, с другим. А этот другой долго жил с ней. Подруга явно намекала, что не следуют делать из этого трагедию, а лучше провести естественную рокировку партнеров. Но он не мог отказаться от нее так просто. В душе. Бороться за нее не стал, просто ушел в сторону.

Мучился несколько лет, пока она не вернулась. К нему возвращались все без исключения женщины, которые когда либо, от него уходили. Их было немало, так же как и тех, что бросал он. И всегда эти возвращения заканчивались ничем. Блудные дамы были ему уже не нужны. То же вышло и с ней. Когда-то остро желанная, не понятно даже для чего женщина, стала частью мировой декорации. Пропала потребность в ней, и он радовался, что когда-то она не согласилась выйти за него замуж.

Однако любовь – это болезнь. И как вирусы и бактерии после их уничтожения оставляют в организме свои ДНК, так и любовь оставляет свои споры. Что из них может вырасти, никто не знает. Но при благоприятных условиях эти семена непременно дают всходы.

Он встретил ее случайно, зимой, когда город заметало мокрым снегом. В тот год стояли необычайно темные дни. Казалось, вечер наступает сразу после рассвета. Он вообще-то любил мрачную погоду, она ни к чему не подталкивала, не звала, а, значит, потом не приходилось испытывать разочарования. Ехал в частный медицинский центр, чтобы избавиться от болей в пояснице. Врачи районной поликлиники выписывали разные лекарства, но облегчения они не приносили. Он не верил, что помогут и в медицинском центре, но всегда нужно что-то предпринимать, когда есть цель, пусть и недостижимая. Без движения падает любое тело. Закон физики.

Она окликнула его, когда он поднимался на эскалаторе на станции метро 'Новокузнецкая'. Он еще не понял, что зовут именно его, но сразу узнал ее голос, который пронзил насквозь. Обернулся. Анечка спускалась вниз на противоположном эскалаторе. Это была она и не она. Короткая прическа, спокойный макияж на похудевшем лице. Ничего вызывающего, отталкивающего. Только такой же острый, ироничный, птичий взгляд. За мгновение осязаемо пронеслась вся история их взаимоотношений. Как перед смертью, говорят, пронесится перед человеком вся его жизнь. Он ощутил новое дыхание мира, почувствовал свежие запахи. Пространство наполнилось красками, оживо.

Анечка махала ему рукой, несдержанно улыбалась. Он никогда не понимал ее улыбку. Хотя прекрасно знал, что именно улыбка и смех полностью раскрывают характер человека. С другими женщинами не было проблем. Понаблюдает незаметно со стороны, как они смеются, и делает выводы, в которых никогда не ошибался. Она же была загадкой, Мона Лизой. Её мир, характер никогда не открывались для него полностью. А, может, подсознательно, он и не хотел в ней ничего разглядеть. Чем дольше мы не разгадываем женщину, тем больше любим.

Все дальше уплывала она на эскалаторе, а он не знал что делать. 'Броситься по ступенькам вниз, что-то крикнуть? Ни за что. Сердце, конечно, закололо, но это не повод терять голову'. Внезапно накатила тоска – через пару секунд она исчезнет навсегда. И уже никогда это не повторится. Ничего больше не будет.

Неуверенно поднял правую руку, помахал. Она заулыбалась еще лучезарнее, ткнула пальцем себя в грудь, указала вверх. От сердца отлегло. 'Все понятно, нужно подождать ее у выхода, она сейчас поднимется'.

Вышел на улицу, вдохнул полной грудью слякотного воздуха. Тут же закурил. К лицу прилипали крупные снежные хлопья. 'Может, уйти, к чему эта встреча?' – спрашивал он себя, но знал, что, конечно, никуда не уйдет.

Она появилась через пару минут. Приблизилась быстрой походкой, по-прежнему улыбаясь, дернулась всем телом. Но целоваться, обниматься, не полезла, достала из сумочки сигарету, тоже закурила. Заметил, как подрагивает ее рука с зажигалкой. Он тоже нервничал и решительно не знал с чего начать разговор. Анечка собиралась сделать это сама, уже открыла рот, когда он не к месту спросил:

– На митинг оппозиции ходила?

Ни 'здравствуй', что называется, 'ни до свиданья'.

Анечка на секунду застыла, растерялась, потом рассмеялась, громко, заразительно, как умела всегда делать только она.

-Не-е-ет, – протянула Анечка. – Я на работе была. А почему ты спросил?

'Действительно, почему я спросил?' – сам не понял он. – Наверное, потому что рядом Болотная. Спокойно, без, эмоций, не надо нервничать'.

Была бы возможность, прикурил бы сразу вторую сигарету. 'С двумя сигаретами во рту, смешно'. Чем дольше не видишься с человеком, тем тяжелее найти общий язык. Кажется, столько тем для обсуждения, а встретишься, и, оказывается, сказать-то друг другу нечего. Людей объединяют общие дела, интересы, а когда люди расходятся, связь рвется. Остается только одно общее-прошрое, но у каждого о нём свое представление.

«Это глупо я про митинги, – он затушил сигарету о край урны и тут же прикурил новую. – Правильно учительница в школе говорила: не знаешь что сказать, лучше молчи, за умного сойдешь. Грубо, но верно».

Вероятно, и она чувствовала себя не в своей тарелке, потому что тоже задала странный для начала беседы вопрос:

-Ты читал Стига Ларссона?

-«Девушка с татуировкой дракона», – кивнул он.

-Лисбет Саландер мне очень симпатична.

Он сразу догадался почему. Лисбет такая же экстравагантная особа, как и Анечка. Только по характеру они с книжной героиней совершенно разные. Вообще, Анечка всегда имела, мягко говоря, своеобразные пристрастия. Она была без ума от Гребенщикова, знала наизусть почти все его песни, считала их своей жизненной идеологией. Ему же этот музыкант был просто противен. Блеял под гитару всякую чепуху. Кроме того, она относилась с благоговейным трепетом к своей работе ассистента режиссера. Считала ее творческой. Хотя, кому, как ни ему было знать, что на телевизионных Новостях – это чисто техническая, далекая от творчества профессия. Не зевай и нажимай вовремя кнопки на пульте. Его же профессию журналиста, она, казалось, вообще не рассматривала всерьез. «Подумаешь, текст написать! Каждый сможет». Все это, говорило, как он полагал, об общем интеллектуальном уровне Анечки, но все равно его к ней тянуло, и он хотел быть именно с ней.

-Знаешь, почему мне нравится Лисбет?

-Героиня нашего времени. Людям нравятся необычные, но правильные личности, в которых они хотели бы видеть себя. Печорин, Чацкий, Глеб Жеглов, Брат, Глухарь. Лисбет Саландер из той же серии. Почти из той же. В отличие от остальных героев, она не терзается сомнениями.

-Фу, – наморщила нос Анечка, – «из той же серии», как-то ты о великих людях неуважительно.

-Они не люди, образы, фантомы, плоды воображения художников. Не то, что есть на самом деле, а то, что могло бы быть.

-Но ведь мысль материальна! – округлила глаза Анечка.

-В физическом мире, да. Но люди всегда ищут родственные души в иллюзорном пространстве. А где их еще найти, если нет в материальном мире? Находят и идут с ними рука об руку, как с живыми.

Анечка сощурилась, по уголкам глаз собрались более заметные морщинки, нежели прослеживались раньше.

-А ты такой же скептик, Сокольников, ничуть не изменился.

«Да и ты такая же чудная», – подумал он.

-Саландер, пусть это, как ты говоришь, и фантом, привлекает меня своей решительностью, тем, что все доводит до конца.

-Что ты хочешь этим сказать?

-Не знаю.

«Вот так всегда, говорит, не зная для чего. А я непонятно для чего слушаю и вступаю в глупую, бессмысленную полемику».

Повисла неловкая тишина. Крупный снег сменился мелкой изморосью с крупинками града. Ветер стал невыносимым. Над Полянкой накренился рекламный баннер, готовый в любую минуту сорваться на застрявшие в пробке машины.

-Ты женат? – наконец спросила она, наклонив по-птичьи голову.

-Была жена, да вся вышла. Вернее, и сейчас есть, по паспорту, но мы с ней давно не живем. Она в Медведкове, я на Алтуфьевке.

-Почему?!– спросила она с таким удивлением, будто бы знала его жену с самой лучшей стороны или была с ней близкой подругой.

Разговор о бывшей жене, которая ему изменила, был Сокольникову неприятен. Ладно бы Оленька переспала с кем – нибудь, а то ведь предала морально. Один раз он застукал ее с 'приятелем' в метро, встал за колону, подслушал разговор. Товарищ втирал ей что-то про сценарий документального фильма. Она слушала, раскрыв рот, с глазами полными восторга. Ему было больно и гадко. И пусто. Долгое время жена ему твердила, что между ней и Ковальчуком только дружба. Потом стала пропадать по выходным и по праздникам, уходить в какие-то походы с ночевкой. А однажды привела Ковальчука домой. Зачем? Сокольников не стал выяснять. Забрал паспорт, деньги, хлопнул дверью. Прошло время, и они с Оленькой начали иногда встречаться в Останкинском баре. Как приятели, не больше. Она много раз намекала, что неплохо было бы начать все заново, говорила, что о случившемся жалеет не только она, но и все ее родственники. Но до Сокольникова, будто не доходили ее слова. Застревали где-то между небом и землей. Оленька ему уже была не интересна и не нужна. А ведь почти два года он не находил себе места без нее, страдал как от зубной боли. Но однажды эту боль как рукой сняло. Внезапно. Жена тоже работала ассистентом режиссера на теленовостях. 'Все они, ассистентки, какие-то ущербные'.

-Стерлись контактные точки, – уклончиво ответил он.

-А восстановить пробовал?

-Послушай...

Она рассмеялась, видимо, сообразив, что слишком глубоко лезет к нему в душу, после стольких лет необщения.

-Как у тебя? Слышал, ребенка родила.

Взгляд её затуманился, исчезла вся птичья острота.

-Ребенка. Кто тебе сказал? Подхватила воспаление легких. Преждевременные роды, врачи девочку не спасли.

-Извини.

-Ничего. Ну ладно, – вздохнув и хлопнув в ладоши, сказала она, – рада была увидеть и поговорить. Пока, – сделала Анечка шаг в сторону.

'И это все?– удивился Сокольников. – Зачем же тогда в метро руками махала?'

Во рту появилась досадная горечь, в горле запершило. 'Ну, пока, так пока, только не понятно...'

Резко развернувшись, опять рассмеявшись, она пошла куда-то к Полянке. 'В метро же спускалась, куда же ты тогда?'– всплыла у него мысль.

Поправил на плече портфель, бросил мимо урны окурков, побрел в сторону Пятницкой улицы. Остановился у газетного киоска. Долго бессмысленно глядел на журналы и сувениры. В голове стучало, кровь то прилиwała к лицу, то отливала. Хотелось чему-то радоваться и плакать одновременно. Анечка задела ему раны. Растревожила и исчезла, улетела.

'Птица, блин. Черт бы тебя побрал, и что тебе понадобилось на Новокузнецкой?' Неожиданно заболело в груди, а табачный дым показался необычайно горьким. 'Зачем появилась, места тебе на Земле мало?'

-Ты еще не ушел?– раздался сзади голос, который прострелил его от пяток до корней волос. Взглянул через плечо.

– Забыла тебя кое о чем спросить, – сказала совершенно спокойно Анечка. У нее был привычный птичий взгляд. – Тебе нравится Моне?

'Совсем с ума сошла', – подумал Сокольников, внутри которого все опять закружилось, заликовало.

-Художник?

-Да, Клод Моне, французский живописец.

-Ну....Недавно его выставка в Пушкинском была. Хотел сходить да не успел. Позапрошлым летом я был в его музее в Живерни, под Парижем.

-Правда?! И как?

-Великолепный сад, который он создал своими руками. Яблони, плетущиеся по изгородям как лианы, сотни сортов роз, прудики с кувшинками.

-А картины?

-И картины, конечно.

Сокольников не понимал, к чему клонит Анечка. Впрочем, пусть говорит о чем угодно, лишь бы не уходила.

-Правда я похожа на его первую жену Камиллу Донсье, с картины 'Камилла в японском кимоно'?

Сокольников не был ценителем и знатоком живописи, но, как ни странно, он помнил это полотно. Рыжая дама в цветастом красном кимоно и с веером. Но Камилла совсем не напоминала ему Анечку. Скорее она была похожа на его Оленьку. Да, такая же частично напускная, частично естественная детскость в лице. И легкость во всем необыкновенная. 'Все вы, милые женщины, на первый взгляд, неземные существа, а на поверку – расчетливые, меркантильные биржевые маклеры. Сильные, безжалостные тигрицы, способные за добычу на все'. Он убеждался в этом не раз.

-Похожа, – соврал Сокольников.

-А ты меня еще любишь?– неожиданно спросила она.

Вот тебе и раз. Вопросик. Когда-то думал, что любит. А теперь какая может быть любовь? Ученые доказали, что любовь – болезнь и, слава богу, он давно избавился от нее как от ветрянки.

Поправив на плече ремень от портфеля, честно ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.